ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Вечернее заседание 26 января

Допрос подсудимого Арнольда

Вышинский: Подсудимый Арнольд, какая ваша настоящая фамилия, имя и отчество?

Арнольд: Васильев, Валентин Васильевич.

Вышинский: Почему вы называете себя Валентином Вольфридовичем?

Арнольд: Когда я в Америке принимал гражданство, то по документам числился Аймо Вольфрид.

Вышинский: Вы американский гражданин или советский?

Арнольд: Сейчас советский.

Вышинский: А в Америку вы попали советским гражданином или американским?

Арнольд: Я туда попал финским.

Вышинский: Значит, вы приехали в Америку с чужими документами? А когда родились, какую фамилию носили?

Арнольд: С тех пор, как я ходил в школу, я означился Васильевым.

Вышинский: Где вы родились и как фамилия вашего отца и матери?

Арнольд: Я родился в Ленинграде, фамилия моего отца была Ефимов, а матери Иванова.

Далее подсудимый Арнольд показывает, что из Финляндии под именем Карла Расса он поехал в Германию. Пробыл в Гамбурге 3—4 месяца и задумал поехать в Америку. Но дорогой полиция его задержала и вернула обратно в Россию.

В Выборге он работал до 1914 года, а потом поехал в Гельсингфорс, поступил в свеаборгский порт под фамилией Васильева, а Расса снова положил в карман. **(В зале смех).**

Когда началась война, подсудимый Арнольд, не желая пути в армию, имея документы на имя Расса, убежал в Швецию, а оттуда—в Норвегию. В 1915 году он вернулся обратно в Россию и был взят в армию под фамилией Васильева. Через полтора месяца он убежал из армии в Гельсингфорс. Там его поймали. В 1916 году, получив отпуск, Арнольд поехал в Финляндию, приобрел себе обманным путем документы на имя Аймо Кюльпенен и уехал в Минск. В Минске он работал переводчиком, делопроизводителем, получил несколько воинских железнодорожных проездных документов и уехал во Владивосток, из Владивостока—в Архангельск, а оттуда уехал в Нью-Йорк и поступил в американскую армию. Он принял американское гражданство и переменил имя и фамилию на Валентина Арнольд.

Вышинский: Сколько времени вы там сидели в тюрьме?

Арнольд: Месяцев 5—6.

Вышинский: Почему?

Арнольд: Я был заподозрен в присвоении казенного имущества.

Далее подсудимый Арнольд показывает, что в 1923 году он поехал в Калифорнию, познакомился с русскими за «Общества технической помощи советской России» и при их содействии приехал в Кемерово.

Вышинский: А вы не были членом масонской ложи?

Арнольд: Был.

Вышинский: Почему масонской ложи, а не какой-нибудь другой?

Арнольд: Пробивался в высшие слои общества. **(Общий смех в зале).**

Вышинский: Вы вступили в ВКП(б), когда прибыли из Америки?

Арнольд: Я вступил в партию в 1928 году.

Вышинский: И в это время вы оставались масоном?

Арнольд: Да, но я никому об этом не говорил.

Вышинский: А не было такого случая, что за антисоветскую агитацию вы привлекались к ответственности или исключались из партии?

Арнольд: Это было в Кузнецке в 1930 году. Почти что исключили, сняли с работы.

Вышинский: Когда вы с троцкистами сошлись?

Арнольд: В 1933 году, когда я работал в Прокопьевске, вошедшем в Шестовым.

Вышинский: Как и за что вы были уволены с Кузнецкстроя?

Арнольд: За антисоветскую пропаганду среди иноспециалистов.

Вышинский: Он это знал?

Арнольд: Знал, также знал, что я принадлежу к чуждой партии организации, как масонству, он знал, что я несколько раз менял фамилию.

Вышинский: Когда же он посвятил вас в свои преступные планы, в свои преступления?

Арнольд: Я часто ходил в его кабинет. Он говорил: «Я бы давно мог тебя выдать соответствующим органам, но я думаю, что ты будешь хорошим членом нашей организации».

Вышинский: Ну, и что же?

Арнольд: Потом он мне сказал, что на меня падает задача осуществить террористические акты, и связал меня с Черепухиным.

Вышинский: Какие акты вам предлагал?

Арнольд: Первый террористический—в 1934 году убить Орджоникидзе.

Вышинский: В чем он заключался?

Арнольд: Черепухин мне сообщил: «Завтра приезжает Орджоникидзе, смотри, ты должен будешь выполнить террористический акт, но считаться ни с чем». Я это предложение принял. На следующий день я подал машину, потому что я, как начальник гарража, как член партии, был вне всякого подозрения. Подал машину к под'езду. В нее сели Орджоникидзе, Эйхе и Рухимович. Я повез их на немецкую колонию, а оттуда они просили меня поехать на Тырган. Потом остановились у комплексной шахты № 7—8—9. И вот, когда я спускался с горы, я развил довольно большую скорость—километров 70—60 в час, и, примерно, на полтора километра увидел препятствие. Я сразу быстро подумал, что это как раз то место, где я должен сделать аварию. Не знал, какое это место, я не знал, что со мной случится... поэтому я уменьшил скорость, быстро остановился, а потом свернул на этот, названо, а должен был сдать прямо.

Вышинский: Не решились?

Арнольд: Не смог я этого сделать.

Вышинский: Не смогли, не решились? Это ваше счастье. Второй случай?

Арнольд: Ко мне утром приезжает в контору Черепухин и говорит: «Сегодня будет Молотов. Смотри, опять не проезвай». Я ответил, что сделаю. Когда я подал машину к поезду, в машину сели Молотов, секретарь райкома партии Курганов и председатель райисполкома Градинский... Когда я стал только выезжать с проселочной дороги на шоссейную, впереди навстречу мне летит машина. Думать мне было некогда, я должен был совершить террористический акт. Я тогда решил, что Черепухин мне не поверил и послал вторую машину. Но я испугался. Я успел повернуть в сторону, в ров и в этот момент меня сжавил Градинский и сказал: «Что ты делаешь?».

Вышинский: Что вас здесь остановило?

Арнольд: Здесь меня остановила трудность...

Защитник Казначеев (обращаясь к Арнольду): Я прошу вас уточнить, какой промежуток времени вы состояли в троцкистской организации?

Арнольд: С 1932 года и по 1934 год.

Казначеев: Когда вам давались поручения произвести террористический акт, кто вас предупреждал о том, что если вы не совершите его, то это будет угрожать вашей жизни?

Арнольд: Черепухин и Шестов мне говорили: за измену мы тебя уберем.

Казначеев: Когда вас вербовали в троцкистскую организацию, вы ориентировались, хотя бы элементарно, в их программе?

Арнольд: Меня убеждали, что троцкистская организация сильна, что она будет у власти и что я в последних рядах не останусь.

Допрос подсудимого Лившица

Вышинский: Когда вы возобновили свою троцкистскую преступную деятельность?

Лившиц: Когда Логинов вернулся из Берлина в начале 1932 года, он мне рассказал о встречах с Пятаковым, о тех новых директивах, которые он получил от Пятакова. Во второй половине 1932 года я встретился с Пятаковым, и он мне повторил по существу то, что говорил Логинов.

Вышинский: И о терроре говорил?

Лившиц: О терроре и о разрушительной работе. После разговоров с ним я согласился на возобновление активной борьбы.

Вышинский: Какую должность вы тогда занимали?

Лившиц: Начальника Южных железных дорог.

Вышинский: И что же дальше последовало?

Лившиц: Дальше, когда я приехал в Харьков, я договорил со своим заместителем Зориным. Я его знал как скрытого троцкиста. В беседе с Пятаковым было условлено начать с того, чтобы не обеспечивать полностью погрузки угля.

Вышинский: То-есть вы начали со срыва программы?

Лившиц: Да. Я грузил уголь не полностью, использовал вагоны на второстепенные грузы.

Вышинский: В течение какого срока начали вы это делать?

Лившиц: В течение зимы 1933 года. В конце 1933 года я встретился с Пятаковым и рассказал ему, что делается на дороге. Он же мне рассказал о существовании об'единенного центра и о существовании запасного, так называемого параллельного центра. Тут же он мне сказал, что на члена центра Серебрякова возложено руководство вредительской контрреволюционной работой на железнодорожном транспорте, и предложил мне связаться с ним.

Вышинский: Вы связались с Серебряковым?

Лившиц: Связался. В конце 1933 года или в начале 1934 года. В то время я уже был начальником Северо-Кавказской дороги. Серебряков мне сказал тогда, что он привлек к вредительской работе на транспорте Арнольдова А. М., Миронова. Назвал он еще Розенцвейга и Мирского. Он говорил также, что Арнольдов проводит по заданию Серебрякова вредительскую работу по срыву выпуска паровозов. Затем Арнольдов проводит работу по срыву вагонного хозяйства. Как раз тогда поднимался вопрос о строительстве четырех вагоностроительных заводов. Арнольдов представил дело так, что каждый из этих заводов будет стоить по 15 — 20 миллионов рублей и что в течение полутора лет можно будет их построить и пустить. В конце концов оказалось, что они стоили каждый больше, чем по 50 миллионов рублей, и строили их около трех лет.

Вышинский: Сознательно тянули?

Лившиц: Да. На Северо-Кавказской дороге мною было привлечено к работе несколько человек, из них Колоколкин—бывший начальник политотдела ростовского отделения эксплоатации, а потом начальник политотдела Северо-Кавказской дороги.

Вышинский: Был ли у вас с Колоколкиным разговор о других целях и задачах, кроме как о вредительстве?

Лившиц: С Колоколкиным у меня разговор был обо всем. Затем я был переведен в Москву на Московско-Курскую железную дорогу. Там я был назначен в НКПС заместителем наркома.

Вышинский: Будучи заместителем народного комиссара путей сообщения вы продолжали свои связи с троцкистской организацией и свою вредительскую деятельность?

Лившиц: Да. Когда я приехал в Москву, я повстречался с Пятаковым. У нас с ним были беседы о том, что сейчас на транспорте Каганович доберется до всех мелочей, мешающих работать. Пятаков предлагал активизировать вредительскую деятельность, ибо транспорт уже с первых месяцев прихода в НКПС Кагановича резко пошел в гору. Тогда же Пятаков предложил мне встретиться с Серебряковым и с ним обсудить, что надо делать. Наша беседа с Серебряковым состоялась, и Серебряков поставил задачу по срыву выполнения приказа Кагановича, намечающего пути улучшения работы железнодорожного транспорта. В 1935 году со мной связались Миронов, Мирский, Фуфренский, затем в 1936 году—Розенцвейг. Они имели указания от Серебрякова, и я им повторил задание по срыву приказа № 183, намечающего основные мероприятия по улучшению работы железных дорог.

Вышинский: Какую вы ставили задачу?

Лившиц: Осложнять и затруднять работу транспорта.

Вышинский: Какие у вас были отношения с Князевым?

Лившиц: Прежде чем перейти к Князеву, я хочу суду сообщить следующее: на предварительном следствии я отвечал... (паузы) отрицал одну из очень гнусных вещей...

Вышинский: Именно?

Лившиц: Вопросы шпионажа. По этим же соображениям я на предварительном допросе отрицал свои связи с подсудимым Турком. Я хочу сказать суду все до конца, несмотря на то, что это—тягчайшее преступление, которое называется изменой родине. Сказать суду, что об этой связи Князева и Турка с агентами одной из иностранных держав я знал...

Вышинский: В какой период времени вы это знали?

Лившиц: В период от 1935 года до ареста. Но мало этого, я по просьбе Князева дал ему некоторые материалы для передачи им...

Вышинский: Будучи...

Лившиц: Заместителем наркома.

Вышинский: Вы Князеву дали указания организовать крушения?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы шли на человеческие жертвы?

Лившиц: Шел на это.

Вышинский: Вам Князев сказал, что он связан с разведкой одного иностранного государства?

Лившиц: Да.

Вышинский: Не говорил ли он, что эта разведка от него, Князева, требует организации крушений?

Лившиц: Я сейчас не припоминаю. Возможно, что говорил.

Вышинский: Подсудимый Князев, когда вы беседовали с Лившицем?

Князев: Это было в августе 1935 года.

Вышинский: Разговор был об организации крушений?

Князев: Это была первоначальная стадия разговора.

Вышинский: Какое служебное положение какое было?

Князев: Начальник дороги.

Вышинский: А вы, Князев, были уже завербованы агентом японской разведки?

Князев: Я был завербован с сентября 1934 года.

Вышинский: Об этом Лившицу вы говорили? Он об этом знал?

Князев: Да. Когда я встретился с Лившицем, я ему сказал, что установки японские совпадают с троцкистскими в части подрывной работы. Но японцы требуют секретных данных.

Вышинский: Что вам ответил Лившиц?

Князев: Он сказал, что обстановка борьбы троцкистской организации со сталинским руководством такова, что мало не только вести подрывную работу, но и завязать связь с иностранными державами, что, поскольку троцкистская организация связана с иностранными правительствами, придется в интересах поддержания этой связи японцами эти данные сообщать.

Вышинский: Позвольте спросить подсудимого Турока. Что вам известно о связи с японской разведкой?

Турок: У меня была установлена связь с японской разведкой, когда я был на дороге имени Кагановича, бывшей Пермской, в 1934 году. Я имел задание. Это было мною согласовано с Марьясиным, перед которым я отчитывался в троцкистской работе.

Вышинский: А с Князевым такая связь была?

Турок: Он меня информировал о том, что им установлена связь с японской разведкой. А я его информировал.

Вышинский: А о том, что об этом знал Лившиц, вам было известно?

Турок: В 1935 году 15 сентября я был у Лившица и разговаривал с ним. Я был связан с японской разведкой. Лившиц мне сказал, что этой связи не нужно прерывать, а нужно ее поддерживать на пользу троцкистской организации.

Вышинский: Подсудимый Лившиц, вы подтверждаете показания по этому вопросу Князева и Турока?

Лившиц: В общем, правильно.

Вышинский: Скажите, после того, как вы узнали от Князева об его связи с разведкой, вы имели с ним какие-нибудь беседы, давали указания?

Лившиц: Я говорил, что не только была связь, но в 1936 году он попросил у меня материал для японской разведки, я ему материал дал.

Вышинский: А вам известно было, что японская разведка платила деньги за получение этих сведений?

Лившиц: Нет.

Вышинский: Турока можно спросить? Подсудимый Турок, вам известно, что японская разведка платила деньги за эти сведения?

Турок: Нет, за эти сведения деньги она нам не платила, а на организацию троцкистской диверсионной работы деньги мы вообще получали.

Вышинский: От кого?

Турок: От японской разведки.

Вышинский: Когда вы получали деньги?

Турок: В январе 1934 года—35 тысяч рублей.

Вышинский: Куда их дели?

Турок: 20 тысяч рублей оставил для своей организации и 15 тысяч дал для организации Князева.

Вышинский: Князев, правильно это?

Князев: Да, я получил.

Вышинский: Скажите, подсудимый Лившиц, что вам известно было о террористической деятельности троцкистов?

Лившиц: Мне было известно о подготовлявшемся покушении на Сталина, Косиора и Постышева.

Вышинский: От кого вам это было известно?

Лившиц: От Пятакова, Серебрякова и Логинова. Я знал в 1933 году, что готовится покушение против Постышева и Косиора, а в 1935 году — против Сталина.

Председательствующий: Скажите, подсудимый Лившиц, кому из перечисленных нами участников троцкистской организации вы давали непосредственные указания об организации крушений?

Лившиц: Князеву, Емшанову, Арнольдову, Турку, Фуфринскому, Розенцвейгу.

Председательствующий: Вы подтверждаете, что Серебряков разговаривал с вами на тему о диверсионной работе в предмобилизационный период, чтобы воспрепятствовать продвижению войск?

Лившиц: Да.

Председательствующий: Князев вам докладывал, что ему удалось произвести крушение на одной станции, в результате чего 29 красноармейцев были убиты и 29 красноармейцев ранены?

Лившиц: Да, об этом я знал.

Вышинский: Поскольку, подсудимый Лившиц, вы на суде сегодня чистосердечно признали дополнительно свою вину в шпионаже, то-есть признали себя виновным в полном объеме в пред'явленных вам обвинениях, может быть, вы сегодня пожелаете дать более подробные указания относительно террора? Например, не известно ли вам было от Логинова более конкретно, как готовилось покушение против Косиора и Постышева, кто готовил?

Лившиц: Нет, неизвестно.

Вышинский: Вам известен некий Дзедзевский и что он связан с террористической группой?

Лившиц: Известен. Дзедзевский был связан с Логиновым.

Вышинский: Вы знали, что Логинов занимается подготовкой террористических актов?

Лившиц: Знал.

Вышинский: А относительно Глебова-Авилова вам не было известно, что он террористическими актами занимался?

Лившиц: Глебов-Авилов мне об этом говорил.

Вышинский: Против кого он готовил террористический акт?

Лившиц: Против Сталина.

Вышинский: Вопрос, по-моему, ясен.

Председательствующий: Об'является перерыв до 11 часов утра 27 января.

(ТАСС).

В Ленинграде на заводах, фабриках, предприятиях и в военных частях состоялись митинги в связи с сообщением прокуратуры СССР о привлечении к судебной ответственности троцкистских шпионов, диверсантов и изменников родины, входивших в троцкистский «параллельный центр». На митингах приняты резолюции, требующие расстрела гнусных предателей.

На снимке: пропагандист агитатор механосборочного цеха Ленинградского арматурного завода им. Молотова тов. Н. Г. Кирпов читает на митинге сообщение прокуратуры Союза ССР, опубликованное в газетах.

Утреннее заседание 27 января

Допрос подсудимого Князева

Вышинский: Когда вы начали свою контрреволюционную деятельность?

Князев: С июня 1934 года.

Вышинский: Вы участвовали в диверсионной и вредительской работе на транспорте?

Князев: Участвовал. Вредительская работа выражалась в организации крушений, в подрыве путевого хозяйства, паровозного парка. Преследовалась цель подорвать работу уральской, особенно металлургической промышленности. В 1935 году Лившиц сказал, что сейчас надо перейти к крушениям с человеческими жертвами. Он говорил, что речь идет об очень острой борьбе со Сталиным, что мы должны добиться полной дискредитации руководства партии в глазах народа и Красной Армии, рядом отдельных ударов по населению вызвать озлобление против Сталина, против правительства и создать у населения впечатление, что все кругом рушится, во всем виновато правительство.

Затем Князев показывает, что к августу 1935 года на Южно-Уральской дороге, начальником которой он являлся в то время, под его руководством были созданы троцкистские подпольные группы в Златоусте, Шумихе, Кургане, Уфалее, Копыреве.

— 27 октября, — продолжает свои показания Князев, — было совершено крушение на станции Шумиха. Организовал его по моему заданию Колесников, старший стрелочник, который назначившейся на дежурстве ученице Чубиковой приказал перевести входную стрелку № 14 на занятый путь. Поезд, шедший с большой скоростью — километров 40—45 в час, влетел на восьмой путь, на котором стоял маршрут с рудой.

Вышинский: Сколько было убитых?

Князев: 29 красноармейцев, ранено 29 человек. Человек 15 было сильно искалечено.

Вышинский: Это по милости вашей и ваших соучастников?

Князев: Да.

По просьбе тов. **Вышинского** суд приобщает к делу справку о крушении на станции Шумиха, во время второго был разбит один паровоз и 8 вагонов, убито 29, ранено 29 красноармейцев.

Член суда Рычков (обращаясь к Князеву): Какие японские сведения были переданы агенту японской разведки лично вами? Сведения мобилизационного характера давались?

Князев: Давались. По Южно-Уральской, Пермской, Забайкальской, Уссурийской и Восточно-Сибирской дорогам.

Защитник Браун: Как произошла завербовка вас в японскую разведывательную службу?

Князев: Я пошел в троцкистскую организацию в апреле 1934 года, а установил связь с японской разведкой—в сентябре.

В апреле 1935 года я получил письмо от г-на Х..., в котором он писал, что едет в Лондон на дипломатическую работу и будет проезжать Свердловск. Я встретился с г-ном Х... в поезде. Этот г-н Х..., о которым у меня уже ранее была связь, сказал, что троцкистская организация ведет работу в Советском Союзе, пользуясь помощью Японии, и что теперь необходимо перейти к диверсиям, особенно с подрывами поездов, идущими на Дальний Восток, чтобы деморализовать Красную Армию.

Вышинский: Крушение 7 февраля 1936 года на перегоне Кинцовер — Бердяуш совершено по вашему заданию?

Князев: Да.

Из дальнейших ответов подсудимого Князева на вопросы государственного обвинителя выясняется, что крушения на перегоне Ямаш—Усть-Катав, на станции Чистая Чумляк и перегоне Роза—Варгаши были организованы также Князевым, настоящим виновником этих крушений и уголовной ответственности подлежащим не были, сплошь и рядом отдавались под суд невиновные люди (Федоров, Чумаков и другие).

Вышинский: Правильно ли, что в 1935 и 1936 гг. было убито 63 человека и ранено 154 в крушениях, непосредственно вами организованных? Эти цифры подтверждаете?

Князев: Я подтверждаю.

Государственный обвинитель задает подсудимому Князеву ряд вопросов относительно его связи с японской разведкой. Из ответов Князева выясняется, что он в 1936 году имел переписку с г-ном Х...

По просьбе государственного обвинителя тов. Вышинского подсудимому Князеву пред'является фотосимиле письма г-на Х..., полученного Князевым в августе 1936 года. Князев, ознакомившись с фотокопией, признает, что это действительно фотокопия с того самого письма, которое им было получено от г-на Х... в августе 1936 года, и написано почерком г-на Х...

Далее тов. Вышинский зачитывает выдержки из приобщенного к делу подлинного письма, помеченного 15 декабря, адресованного И. А. Князеву. Указанное письмо пред'является подсудимому Князеву, который признает, что это письмо написано г-ном Х... и получено им — Князевым от г-на Х..., в 1931 году.

Вышинский: Давались ли вам какие-либо установки на случай войны?

Князев: Да—о создании воинских складов и пунктов снабжения воинских поездов. В октябре г-н Х... упорно ставил вопрос о том, что «мы ставим задачу не столько подвоза, но если потребуется, важно и отравления воинских вагонов, которые предназначаются для поездки в них воинских эшелонов».

Вышинский: Отравление чем?

Князев: Бактериями.

Вышинский: А потом эту вагоны наполнить людьми, заразить людей, пусть заболевают и умирают?

Князев: Да.

На вопрос государственного обвинителя относительно полученных от Турока 15 тысяч рублей, подсудимый Князев показывает, что эти деньги были им получены через Турока от японской разведки. Князев распределял эти деньги между членами троцкистской организации, проводившими под руководством Князева диверсионную работу на транспорте.

Допрос подсудимого Турок

Председательствующий: Когда и кем вы были завербованы в троцкистскую антисоветскую организацию?

Турок: С 1934 года начальником Уралвагонстроя Марьясиным. Тогда я работал заместителем начальника эксплоатации.

Председательствующий: Сколько крушений было организовано участниками вашей троцкистской организации?

Турок: С конца 1934 года я знаю, примерно, около 40 крушений.

Председательствующий: Были человеческие жертвы?

Турок: Были. Главным образом, в товарных поездах среди людей, обслуживающих эти поезда, и, кроме того, в пассажирском поезде. Один убит, 5 тяжело ранены и 15 легко ранены.

Председательствующий: Ваша контрреволюционная троцкистская организация занималась подготовкой террористических актов?

Турок: Да. Осенью 1934 года через Свердловск должен был проехать Молотов, и троцкист Бурыкин готовил против него террористический акт, который не состоялся. Им же подготовлялся террористический акт и против Кагановича в феврале 1936 года. В качестве непосредственного исполнителя этого акта он привлек Ежкова Михейко, который являлся японским агентом.

Председательствующий: Ваши показания о своей связи с японскими разведчиками, г-ном Х..., г-ном У..., «Георгием Ивановичем» вы подтверждаете?

Турок: Подтверждаю.

Председательствующий: Сколько вы получали денег за работу в пользу японской разведки?

Турок: В феврале 1935 года мне принесли 35 тысяч рублей.

Далее государственный обвинитель тов. Вышинский задает обвиняемому Турку

(Окончание утреннего заседания 27 января см. на 3-й стр.).